

Л. Н. МУРЗИН

ВОПРОСЫ ДЕРИВАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОЙ ЛОГИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ XIX в.

Логическая грамматика сложилась в России в 20-е годы XIX в. и была господствующим направлением до второй половины прошлого столетия. Исторически она развивалась в тесном взаимодействии с западноевропейскими лингвистическими учениями своего времени, которые пытались объяснить исторические факты через логические категории, а языковые единицы (слово и предложение) рассматривали как логические понятия. В этом отношении ее основы восходят к идеям, которые еще в XVIII в., например, развивал немецкий лингвист И. Х. Аделунг. «Наше мышление и речь, — писал И. Х. Аделунг, — состоит в том, что мы о некотором предмете нечто утверждаем или отрицаем. Предмет, который имеется в виду, называется субъектом, а то, что о нем утверждается (говорится), — предикатом; вместе они дают предложение»¹. Укреплению позиций русской логической грамматики способствовали также работы К. Беккера, которые, начиная с 20-х годов XIX в., пользовались широкой известностью и за пределами Германии. Хотя Беккер в своем исследовании не выходил за пределы фактов немецкого языка, он стремился раскрыть правила, пригодные для любого языка².

Влияние идей универсальной грамматики сказывалось не только в «логических» определениях языковых единиц, но и в самом способе описания логической грамматикой фактов языка, — скорее дедуктивном, чем индуктивном. Появлению логической грамматики в России непосредственно предшествовал период увлечения идеями универсальной грамматики. Так, уже в начале XIX в. в Петербурге и в Харькове издается целый ряд работ, так или иначе пропагандировавших эти идеи³. Однако русская логическая грамматика ни в коем случае не является разновидностью универсальной грамматики. Используя идеи последней, она продолжала те традиции описания русского языка, которые мы находим в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова и — отчасти — в опубликованных работах его ученика А. А. Барсова, а также в Академической грамматике 1802 г. Внимательное отношение к фактам именно русского языка, стремление к четкой их систематизации обнаруживается в трудах крупнейших представителей логической грамматики в России.

В тот период, когда в России развивалось рассматриваемое лингвистическое направление, начинает, как известно, зарождаться сравнительно-

¹ J. Ch. A d e l u n g, Deutsche Sprachlehre, Wien, 1792.

² K. F. B e c k e r, Organism der Sprache als Einleitung zur deutschen Grammatik, Frankfurt-am-Main, 1827, стр. VIII—IX.

³ См.: И. Р и ж с к и й. Введение в круг словесности, Харьков, 1806; И. О р н а т о в с к и й. Новейшие начертания правил российской грамматики, на началах всеобщей основанные, Харьков, 1810; Н. Я з в и ц к и й. Всеобщая, философическая грамматика, СПб., 1810; Л. Г. Я к о б, Начертание всеобщей грамматики, в кн.: «Курс философии для гимназий Российской империи», ч. 2, СПб., 1812; Н. П а к и д е С о в и н ъ, Всеобщая и философическая грамматика языков или ключ ко всем языкам и литературе, Харьков, 1823, и др.

историческое языкознание. Оно не могло не оказать определенного и постепенно возрастающего влияния на логическую грамматику. Если вначале, в 20-е годы, исторический подход к языку лишь теоретически признавался как возможный и равноправный с другими подходами (Н. И. Греч), то в 50-е годы была предпринята попытка объединить принципы «логического» изучения языка с принципами его исторического изучения (Ф. И. Буслаев). Таким образом, русская логическая грамматика XIX в. была довольно сложным явлением в истории отечественного языкознания. Она совмещала в себе несколько неоднородных в теоретическом отношении методических компонентов. Собственно логический и деривационный компоненты проявлялись прежде всего в синтаксисе и отчасти в морфологии (точнее — в словообразовании, которое не выделялось в особый раздел). В фонетике и в значительной степени в морфологии, где давался перечень соответствующих единиц, преобладал чисто описательный компонент. Что касается диахронического компонента, то в явном виде он представлен только в «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева.

Логико-грамматические принципы, впервые в отечественном языкознании разработанные Н. И. Гречем, затем уточнялись, отчасти пересматривались и заново обосновывались в трудах его последователей. Влияние идей Н. И. Греча было особенно сильно в области синтаксиса, теснее других «уровней» языка связанного с деривационными процессами. Однако, опираясь на те же принципы анализа, А. Востоков, П. Перевлесский, П. Басистов, И. Давыдов и др., используя достижения и западноевропейской лингвистической мысли середины XIX в. (в частности, идею «организма» языка, положенную К. Беккером в основу своей концепции), оригинально решали многие вопросы теории и практики изучения русского языка. Существенный вклад в развитие и обоснование «деривационного компонента» логической грамматики внес Ф. И. Буслаев, который подходил к деривационному анализу с точки зрения истории языка.

Исходя из того, что язык есть средство выражения мысли, логическая грамматика объясняла производные языковые единицы как следствие некоторых деривационных процессов (слияния, сокращения, опущения и др.). Не ставя перед собой цель смоделировать эти процессы, формально представить их механизм, она часто ограничивалась, описывая те или иные результаты деривации, ссылкой на исходные структуры, наивно полагаясь на «здравый смысл» читателя.

Сущность слияния Н. И. Греч видел в том, что исходные предложения имеют одинаковые члены, которые в слитном предложении представлены одним «общим» членом. Он выделяет предложения с общим подлежащим (*Дом высок и просторен*), с общим сказуемым (*Солнце и луна светят*), с общей связкой (*Москва была велика, а Тверь мала*) и т. п.⁴ Лишь за первыми двумя типами предложений впоследствии был закреплен термин «слитные предложения», третий же был отнесен к сложносочиненным. Греч правильно отмечает общую основу механизма слияния в том и другом случае — тождественность некоторых компонентов исходных предложений. Причем он устанавливает и различие между этими типами предложений: в первом случае тождественные слова «слиты», а во втором одно из них «подразумевается». Однако дальше этого Греч не идет, и поэтому само сближение сложносочиненных и слитных предложений кажется неоправданным.

Более осторожно оценивает этот процесс П. Басистов: «Логически счи-
ненные предложения, если в них есть одинакие члены, склонны к слия-

⁴ «Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем», СПб., 1827 (далее указания на стр. даются в тексте).

нию»⁵. Действительно, предложения, имеющие одинаковые части, вовсе не обязательно подвергаются слиянию. Но ограничение, накладываемое на слияние, Басистов видит только в требованиях чисто стилистического характера: «Логически-счиненные предложения, имеющие одинакие части, не сливаются в таком только случае, когда слияние могло помешать каким-либо риторическим или рифмическим целям» (стр. 60—61).

Правда, на концепции слияния, выдвинутой Басистовым, сказались отрицательные стороны «логистического» подхода к языку. Он полагал, что о слиянии можно говорить лишь тогда, когда слитые понятия (не слова!) взаимно исключают друг друга (стр. 61). Поэтому, например, в предложении *Граждане молили небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Иоанна* слияние отсутствует, ибо это лишь «видимый образец счинения» и однородные члены, очевидно, выражают одно и то же понятие. Столь же неправильно, по мнению автора, усматривать слияние и в предложении *Он занимался математикой и наукой*. Как видно, имеется в виду не грамматическое, а чисто логическое понятие правильности предложения. П. Басистов в данном случае явно не разграничивал грамматического и логического уровней предложения и фактически их отождествлял.

Рассматривая процесс слияния, Ф. И. Буслаев, в отличие от Н. И. Греча, разграничивал слияние предложений, соединенных по способу сочинения, и слияние предложений, соединенных по способу подчинения. Если слияние при сочинении он описывал традиционно, уточнив лишь практические правила, сформулированные Н. И. Гречем⁶, то к слиянию при подчинении Ф. И. Буслаев подходил принципиально по-другому. До него такое слияние видели в сложноподчиненном предложении, по существу смешивая слияние с опущением (например, П. Перевлесский). Буслаев же сосредоточил внимание на результатах слияния в простом предложении, когда слитое предложение «хотя и может быть рассматриваемо как целое предложение, но употребляется в смысле отдельной части речи»⁷. Такой подход к слиянию целиком обусловлен исторической точкой зрения. Почти все случаи, которые в связи с этим перечисляются, относятся к истории языка, а не к его данному состоянию. Таковы слова *пускай*, *дескать*, *ведь*, *буде*, которые Буслаев называет союзами, частицы *было* и *бывало* (*сделал было*, *сидел бывало*), обстоятельственные фразеологические обороты типа *того и гляди*, *как раз, чем свет*, *ни есть*, *ни было* (*бы*), а также местоимения и наречия с частицей *нибудь* (*кто-нибудь*, *где-нибудь*). Единственным исключением из приводимого Буслаевым списка являются «безличные глаголы» *вероятно*, *верно*, *должно быть* и др., т. е. вводные слова: *вероятно*, *придет* (*что придет*), *должно быть скажет* (*что скажет*). Закономерности образования последних были достаточно «живыми» для современного Буслаеву языка. Из приведенных примеров видно, что процесс образования предложений с вводными словами Буслаев сводит к опущению подчинительного союза. Однако в другом месте Буслаев пишет: «Словосочинение вводного предложения объясняется слиянием» (стр. 552). Причем «позиция» вводного предложения внутри другого предложения для Буслаева лишь внешний факт. Подобно И. Давыдову, он видит в нем главное предложение.

⁵ П. Б а с и с т о в, Система синтаксиса, 2-е изд., М., 1878, стр. 59 (далее указания на стр. даются в тексте).

⁶ Греч считал, что «сливаемые» слова должны быть совершенно сходными грамматически. Буслаев снимал это ограничение, полагая, что сходство в роде, числе и лице обязательно.

⁷ Ф. И. Б у с л а е в, Историческая грамматика русского языка, М., 1959, стр. 285 (далее указания на стр. даются в тексте).

Известную ценность представляют наблюдения Ф. И. Буслаева над характером взаимодействия предложений при слиянии в сложноподчиненном. «При слиянии предложений, — пишет он, — иногда придаточное поглощается главным, напр., *ударил чем ни попало* (т. е. тем, что попало), в посл. *всякий пляшет, да не как скоморох* (т. е. не так, как скоморох); иногда же наоборот, главное поглощается придаточным, напр., сокращенные предложения: *правда, даром, неравно* так сливаются с придаточным, что образуют составное предложение вместе с относительными частицами: *правда, что..., даром что* (= *хотя*)» (стр. 551). Термин «слияние», как видим, Буслаев употребляет в очень широком смысле, недостаточно четко отграничивая этот процесс от других синтаксических процессов.

Большое внимание в логической грамматике уделялось так называемым сокращенным предложениям, т. е. простым предложениям с причастными и другими оборотами. Они рассматривались как результат преобразования сложноподчиненных предложений, в которых придаточные замещались оборотами (последние поэтому также назывались придаточными, но сокращенными предложениями). Н. И. Гречем случаи сокращения анализируются в соответствии с выделенными типами придаточных, в основу классификации которых положен категориальный признак распространяемого слова главного предложения. Сокращаются придаточные существительные (*Он обещал мне, что придет завтра — Он обещал мне прийти завтра*), придаточные прилагательные (*Я уважаю сего человека, который есть мой друг — Я уважаю сего человека, моего друга*), придаточные обстоятельственные (*Не могу ему верить, ибо я же был обманут им — Будучи обманут им, я не могу ему верить*). Описывая сокращения, Н. И. Греч касается формы преобразований. Так, он отмечает, что при образовании приложений сказуемое в полном придаточном есть имя существительное, «при сокращении опускается местоимение и связка, а имя, коим выражается сказуемое придаточного предложения, приводится в согласие с существительным главного» (стр. 373—374). Вслед за М. В. Ломоносовым он находит, что в русском языке существуют специальные морфологические формы, предназначенные для сокращения придаточных, — причастия и деепричастия. При этом он перечисляет случаи, когда «сокращение» по тем или иным причинам формального характера невозможно (стр. 379). Заметим, что намеченные Гречем ограничения на «сокращение» воспроизводятся в иных терминах в современных пособиях по практической стилистике⁸.

При этом надо отдать должное языковому чутью Н. И. Греча, который улавливал порой весьма тонкие семантические различия между сопоставляемыми конструкциями. Однако Н. И. Греч нередко смешивает формальный и семантический уровень. Так, указывая на то, что причастия можно рассматривать как «совокупление» глаголов с относительным местоимением, что само по себе верно, так как местоимение находит соответствие во флексии причастия (ср., *солнце, освещающее землю — которое освещает землю*), он затем механически переносит ту же формулировку и на деепричастие (стр. 362). Но в последнем «союз подчиняющий» не находит никакого формального соответствия. Иногда в грамматике Н. И. Греча мы встречаемся с необоснованными утверждениями относительно тех или иных фактов. Так, сложное предложение с пояснительным придаточным Греч рассматривал как результат непосредственного сокращения. Например, предложение *Сын его умер — случай для отца ужасный* он возводит к предложению *Сын его умер, который случай для отца ужасный* (стр. 377). Оче-

⁸ Ср., например: А. Н. Гвоздев, *Очерки по стилистике русского языка*, М., 1952, стр. 259—260, 262.

видно, деривационная история подобных предложений более сложная и требует более глубокого анализа, чем это представлял себе Греч.

В работах последователей Греча мы находим более глубокое понимание процесса сокращения. Из того, что придаточное предложение и его эквивалент выполняют одну и ту же функцию — функцию члена предложения, делался логический вывод о преобразовании предложения в словосочетания и слова. Отсюда глубокая связь между синтаксическими и словообразовательными процессами: производное слово есть результат преобразования предложения. П. Басистов механизм преобразования придаточного в член предложения сводит к тому, что «в нем (придаточном) опускаются относительная часть речи и глагол „быть“, явно или скрыто находящийся во всяком сказуемом» (стр. 41). Но изъятие из предложения глагола «быть» означает не что иное, как, пользуясь современной терминологией, номинализацию предложения. Поскольку понятие есть скрытое суждение, производные слова логической грамматикой объяснились через их сопоставление с синтаксическими конструкциями. Так, описывая простые предложения, П. Перевлесский расчленяет определения и дополнения на явные и скрытые, имея в виду под последними компоненты таких сложных слов, как *чернозем* (в противоположность явному определению *черная земля*) или *злоупотреблять* (в противоположность явному дополнению *употреблять во зло*)⁹.

Представители логической грамматики подчеркнуто не отграничивали уровень словообразования и уровень синтаксиса. Образование производных слов и словосочетаний они рассматривали как единый глобальный процесс, возводя то и другое к предложению.

В этом отношении представляет значительный интерес анализ данного процесса в трудах И. Давыдова и Ф. И. Буслаева. В «Опыте общесравнительной русской грамматики» (СПб., 1853) описываются определительные словосочетания с последовательно деривационной точки зрения. «Определение со своим определяемым, — замечает автор, — есть собственно сказуемое, перешедшее в понятие» (стр. 322). Основанием для такого утверждения служит «одинаковость» отношения определения к определяемому и отношения сказуемого к подлежащему. Следовательно, определительное словосочетание образуется из предложения. Например, в основе словосочетания *быстротекущая река* лежит предложение *Река быстро течет* (И. Давыдов употребляет здесь, разумеется, логические термины, но сущность рассуждений от этого не меняется).

Анализ фактов русского языка заставляет Давыдова увидеть неоднородность процессов образования определительных словосочетаний. Так, он говорит об образовании определений из дополнений исходного предложения, например, в случае *дворец государя*. Последнее словосочетание он возводит к предложению *Дворец принадлежит государю* через *дворец, принадлежащий государю* (стр. 332). Образованию определений из дополнений И. Давыдов противопоставляет образование приложений.

Любопытно, что, описывая образование определений, И. Давыдов нигде даже не упоминает о самом «типичном» случае образования определения — из сказуемого, выраженного прилагательным. Скорее всего, это объясняется тем, что Давыдов не видел существенной разницы между определением и сказуемым, когда они выражены прилагательным, поскольку это различие носит не формальный, а функциональный характер.

Рассматривая многочисленные случаи сокращений, Ф. И. Буслаев пытается найти общую формальную основу этого процесса и видит ее в том, что сокращается собственно сказуемое как основной член предложения,

⁹ П. Перевлесский, Начертание русского синтаксиса, М., 1848, стр. 9.

т. е. глагол-сказуемое преобразуется в имя существительное. Этому вопросу Буслаев уделяет большое внимание, неоднократно возвращаясь к нему в своей грамматике (см. стр. 281—282, 515—519 и др.). Средством, с помощью которого осуществляется этот процесс, является «производство имени от глагола», например, *кто сеет, ожидает жатвы* — *сеятель ожидает жатвы*; *что сеется, то может приносить плод* — *семя может приносить плод* (стр. 281). Полученные существительные характеризуются Буслаевым как более отвлеченные, чем глагол (не выражают времени). Именно потребностью в отвлеченном обозначении действия объясняется, по мнению Буслаева, этот процесс. Раз образовавшись в языке, отглагольные существительные употребляются двояко: «или 1) бывают с явным или подразумеваемым глаголом вспомогательным; напр., *жа-лоба моя — я жалуюсь...*, и тогда составляют целое предложение; или же 2) употребляясь без вспомогательного глагола, оказываются частью предложения, напр., *идет на поклон*» (стр. 516).

Буслаев отмечает также, что в существительное переходит не только глагол, но и прилагательное, когда оно является частью сказуемого. Например, *заступление бесполезно* — *бесполезность заступления* (у Пушкина: «чувствуя бесполезность заступления»). Как результат сокращения целого предложения он рассматривает сложные слова, которые «происходят от сказуемого», например, *листопад*, т. е. *когда падают листья* (стр. 283).

Рассматривая производство имен, Ф. И. Буслаев пытается дать ему историческое объяснение. Но в сущности ничего «исторического» в его рассуждениях, кроме терминологии, нет. В самом деле, он утверждает, что «имена существительные, как названия только понятий, происходят от глаголов, выражающих суждения» (стр. 259), но никаких «исторических» доказательств и фактов, взятых из истории языка, он не приводит да и не мог привести. Он вынужден был опираться на единственно доступную наблюдению морфологическую структуру слова (*дела-тель* — тот, кто делает, *семя* — то, что посеяно). Такая опора имеет силу не исторического, а деривационного обоснования.

Сосредоточив внимание на переходе глагола в существительное, Ф. И. Буслаев касается и других форм, которые приобретает глагол в процессе сокращения предложения: причастия (*кто много трудится, устает* — *много трудящийся устает*), деепричастия (*когда усердно работаешь, тогда не замечаешь течения времени* — *усердно работая, не замечаешь течения времени*), инфинитива (*желаю, чтобы вы успели в своем предприятии* — *желаю вам успеть*) и пр.

Механизм сокращения предложений не сводится Буслаевым к слово-производству. По существу своему это процесс синтаксический. Когда сказуемое уже выражено существительным, оно преобразуется лишь синтаксически. Буслаев отмечает два случая: существительное становится либо приложением (*река Днепр*), либо определением (имеется в виду творительный признак)¹⁰.

Анализируя сложноподчиненное предложение, представители логической грамматики обратили внимание на некоторое несоответствие средств выражаемым отношениям.

Говоря о замене подчинения сочинением («главное, т. е. неподчиненное, полагается вместо придаточного» — стр. 367), Н. И. Греч опирается исключительно на семантическую сторону предложений: *Твори добро и бу-*

¹⁰ Творительный признака не обязательно должен быть выражен существительным. Он может быть представлен и прилагательным. Но так как прилагательное в таких случаях всегда предполагает «опущенное» существительное, тождественное подлежащему, то для Буслаева разграничение этих творительных не существенно.

дешь счастлива (вместо *Если станешь творить добро, то будешь счастлива*). *Хочешь быть спокоен? Довольствуйся малым* и т. п.

Более содержательно трактует проблему «замен» придаточных П. Басистов. В его «Системе синтаксиса» мы обнаруживаем намек на то, что в наше время получило название первичных и вторичных функций. Поскольку каждый член предложения выражается «своими» частями речи (подлежащее и дополнение — существительным, обстоятельство — наречием, определение — прилагательным), постольку и придаточные имеют «свои» формы выражения. «Когда вместо формы, требуемой подчиняющим предложением, употребляется другая, тогда придаточное предложение называется заменительным» (стр. 34).

Басистов отмечает также случаи соотносительного подчинения, полагая, что мы имеем здесь дело с заменой независимых предложений зависимыми, придаточными (для «усиления логической связи» и подчинения между «независимыми мыслями»), что выражается в «заменении» указательного местоимения относительным, например, указательное местоимение *это* может заменяться на относительное *что* (*На полках по углам стояли кувшины, бутылки и флажки..., что было весьма обыкновенно в те удалые времена*) или местоимение *так* на *как* (*Все слушали с большим вниманием длинную речь молодого человека, весьма хорошо написанную, как мне казалось*). Любопытно примечание, которое делает Басистов к такого рода предложениям: «В нашем языке эти *к а ж у щ и е с я* *п р и д а т о ч н ы* *м* и предложения все-таки должны быть принимаемы за независимые грамматически» (стр. 63).

Ф. И. Буслаев ничего не говорит в своей книге о заменах придаточных, вероятно, потому, что они не затрагивают функциональной, собственно синтаксической стороны дела. Но он все-таки обращает внимание на соответствия связующих средств в придаточном и главном предложениях: относительные местоимения придаточного находятся «в явном или подразумеваемом виде» в соответствии с указательными местоимениями главного (например, *тот — кто, то — что, столько — сколько, там — где, тогда — когда, тем — чем* и пр. — стр. 280).

Наконец, логическая грамматика описывала еще один важный тип синтаксических процессов — так называемое *о п у щ е н и е* (или, в современной терминологии, процесс компрессии предложения). Как результат опущения членов предложения Н. И. Греч рассматривал неполные предложения. По его мнению, опускаются: 1) связка в настоящем времени (*Он учитель*), 2) существительное при прилагательном (*В жары не пей холодного, Поди в гостиную*), 3) личные местоимения. Опущение последних приводит к предложениям, которые впоследствии А. А. Шахматов назвал личными односоставными: определенно-личными (*Пишу письмо*) и неопределенно-личными или обобщенно-личными (*Говорят, что скоро будет мир*). Очевидно, этот список «опущений» далеко не исчерпывает фактов русского языка. Представляется, что опущение связки — случай особый, и его нельзя рассматривать в одном ряду с двумя другими случаями, отмеченными Гречем.

Авторы последующих логических грамматик, описывая процесс опущения, в основном повторяли Н. И. Греча. Исключение представляет Ф. И. Буслаев, который привлекал большое число новых фактов для объяснения «опущений» и тем самым углублял представление об этом процессе.

Ф. И. Буслаев разграничивал два вида опущений: 1) опущение в одном предложении, 2) опущение в «присовокуплении одного предложения к другому», т. е. прежде всего в диалогах. В основу этой классификации Буслаев интуитивно кладет существенные особенности диалога, отличающие его от монологической речи.

Значительно большее внимание Буслаев уделяет случаям опущения внутри одного предложения, выделяя здесь опущение существительного и опущение глагола. Существительное опускается при двух семантико-синтаксических условиях: 1) оно должно иметь весьма общее значение и 2) это значение должно явствовать из относящегося к нему определения, заключааясь в последнем как «родовой признак».

Ограничивая круг опускаемых слов существительными (причем главным образом в функции подлежащего) и глаголами, Буслаев подводит под это ограничение некоторое теоретическое обоснование. Хотя подлежащее и сказуемое — главные члены предложения (они господствуют над другими членами в грамматическом отношении), но с точки зрения «точнейшего выражения мысли» они уступают второстепенным членам — определениям, дополнениям, обстоятельством (стр. 285). Одновременным опущением главных членов Буслаев объясняет также образование некоторых независимых обстоятельств¹¹, полагая, что они являются остатком целого предложения. Ф. И. Буслаев не поддержал учение Н. И. Греча о логическом эллипсисе — опущении целых предложений в связной речи. Анализируя относящиеся к процессу опущения факты, Ф. И. Буслаев не раз подчеркивал его семантическую природу.

Следует заметить, что Буслаев в применении теории опущений не был до конца последователен и отступал от установленной в логической грамматике традиции. Так, вопреки мнению своих предшественников и отчасти противореча самому себе, Ф. И. Буслаев настаивал на том, что подлежащее, выраженное личным местоимением, не опускается, так как содержится в сказуемом (стр. 285). Единственным доводом в пользу этого мнения служит для Буслаева тождественность «этимологической» формы подлежащего в личных и безличных¹² предложениях: *да-м (я дам), ес-т (он ест)*. Различие между этими предложениями он видит только в том, что в безличных эта форма не выражена явно, а «сокрыта в личном окончании глагола». Сокрытая форма подлежащего обнаруживается, по мнению Буслаева, не только в таких предложениях, как *Рассветает; Говорят; Тише едешь — дальше будешь*, но и в таких, как *Ему не спится; Много было говорено*.

Таковы те основные синтаксические процессы, которые так или иначе освещались в русской логической грамматике XIX в.

Эта грамматика, опираясь на традиции, восходящие к универсальной грамматике XVII в., пыталась, не всегда последовательно и глубоко, раскрыть действие логико-синтаксических законов в языке¹³. Для ее представителей синтаксис был не только предметом описания, регистрирующего определенные факты, признаки, формы и типы предложений, но и той областью лингвистики, в которой исследуются процессы производства языковых единиц. Хотя многие ее положения безусловно устарели и в наши дни кажутся наивными, тот путь, по которому логическая грамматика шла в исследовании синтаксических явлений, представляется весьма перспективным и актуальным в свете задач, стоящих перед современной лингвистикой.

¹¹ Кстати, в учении о независимых обстоятельствах типа *час от часу* (ср. зависимое *идти в город*) можно с известным основанием видеть зерно того, что Н. Ю. Шведова назвала детерминацией. См.: Н. Ю. Шведова, К спорам о детерминантах, ФН, 1973, 5.

¹² Под безличными предложениями Ф. И. Буслаев понимает все односоставные предложения, сказуемое которых выражено глаголом.

¹³ См.: Н. К. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, I (вып. 1—2), II, Юрьев, 1911, стр. 230—245, а также: С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России, СПб., 1904.